

— Гребёный Шэнь Дундун, ты там уснул, что ли?! — рослый парень с грохотом пнул хлипкую дверь душевой. Свирепо зыркнув на матовое стекло, он раздражённо рявкнул: — Полчаса уже мокнешь, задолбал!

Сила у физкультурника была недюжинная — дверная коробка содрогнулась так, что едва не треснула, а старая, тронутая ржавчиной металлическая ручка жалобно звякнула.

Изнутри донёсся торопливый шлепок босых ног по мокрому кафелю, глухой стук покатившегося флакона с гелем для душа и приглушённый матовым стеклом испуганный голосок:

— Сейчас, сейчас! Не торопи меня!

Парень закатил глаза и шумно фыркнул.

Настроение у него было паршивое. Громко шлёпая сланцами по линолеуму, он вернулся к своему столу, зло ковырнул стул и развалился на нём, закинув ногу на ногу. Нервно подёргивая коленкой, он оттянул ворот армейской камуфляжной футболки, чтобы хоть немного загнать под неё прохладный воздух.

— Шустрый, гадёныш. Кто ж знал, что он первым в душ заскочит? После этой грёбаной строевой так хотелось под холодную воду залезть, а тут хрен там. Сука, я сейчас просто сдохну от жары!

Его сосед по парте, уткнувшийся в книгу, спокойно поднял голову. Сквозь стёкла очков на взмыленного спортсмена уставился абсолютно безразличный взгляд.

— Успокойся, и прохлада сама придёт.

— Отвали, — нетерпеливо отмахнулся тот, не желая слушать эти заумные нотации.

Он раздражённо заскрежетал зубами и скосил глаза на противоположную сторону комнаты, где обустроил своё гнёздышко Шэнь Дундун.

Обстановка на столе Дундуна была спартанской.

Брошенная прямо так студенческая карта на шнурке, аккуратная стопка тетрадей и учебников... Даже ноутбука не было. Лишь в углу сиротливо ютился какой-то тёмный картонный коробок. Словом, чистая копия парты примерного старшеклассника.

А кружку этот чудик почему-то держал на полу. Абсурд какой-то.

«Неудивительно, что он вечно елозит со шваброй, — подумал парень. — Недотёпа рукожопый, сто процентов сам же её постоянно и пинает».

От этих мыслей снова захотелось закатить глаза.

— Ну и фрик, — не таясь, процедил он сквозь зубы.

Заметив висящую на спинке стула молочно-белую футболку Дундуна, парень бесцеремонно протянул свою длинную ручищу и сцапал её.

Развернул, прикинул размер. Мешковатая до ужаса, да ещё и растянутая от бесконечных стирок.

Пожалуй, налезла бы даже на его десантный рост под метр девяносто.

— Хах... — глумливо фыркнул парень.

Сидящий в очках парень отложил книгу:

— Цюй Цзюньвэнь, ты что творишь?

— Да ничего, — не оборачиваясь, буркнул Цюй Цзюньвэнь, ощупывая ткань и подозрительно её разглядывая. — Изучаю соседа по комнате. Моется выползень этот так медленно, прямо как моя бывшая. Он точно пацан? Может, девка переодетая просочилась?..

С этими словами он поднёс футболку к лицу, намереваясь принюхаться.

У очкарика дёрнулся уголок рта.

— Ты что, извращенец?

Рука Цюй Цзюньвэня замерла. До него, кажется, только сейчас допёрло, как двусмысленно это выглядит со стороны. На лице парня отразилась целая гамма эмоций — от недоумения до глухого раздражения.

— И это говорит интеллектual? — огрызнулся он, напуская на себя безразличный вид. — У кого что болит, Фу Лунь! Я просто хотел понюхать, чтобы проверить одну догадку.

Фу Лунь скептически приподнял бровь:

— И чем же, по-твоему, она пахнет?

— Чем-то сладким? Цветочками какими-нибудь... или молоком?

— Меньше читай всякую чушь.

— Да пошёл ты.

Он снова уставился на вещь. Сквозь дешёвый химозный запах кондиционера для стирки действительно пробивалось что-то неуловимое. И это точно был не пот и не кислый затхлый душок грязного белья. Запах казался тёплым, уютным, напоминающим нагретую солнцем сухую шёрстку... Будто в котакафе пахнуло сонной кошкой.

Чертовщина какая-то.

Цюй Цзюньвэнь подался вперёд, пытаясь распробовать этот запах получше.

Но в следующее мгновение футболку бесцеремонно вырвали у него из пальцев.

— Эй, борзый такой... — Цюй Цзюньвэнь злобно зыкнул вверх, готовый покрыть наглеца трёхэтажным матом, но осёкся. —... Шэн-гэ? Ты же вроде на собеседование в студсовет ушёл?

— Угу, — неопределённо промычал вошедший парень.

Он держал футболку Шэнь Дундуна за плечи, разглядывая её с ленивым прищуром. На его породистом, холёном лице играла едва заметная, дразнящая усмешка.

— Чем маешься, Цюйцзы?

Цюй Цзюньвэню резко стало не по себе. Сказать правду язык не поворачивался.

Но за него с готовностью ответил Фу Лунь, даже не оторвавшись от книги:

— Фетишизмом страдает. Понюхать решил.

— Лао Фу, сука, рот закрой! — взвился спортсмен.

Шэн Цзянье забавно вскинул брови и коротко хохотнул:

— Ого, не знал за тобой таких грешков. Если так приспичило токсикоманить, понюхал бы свои потные белые носки после тренировки, эффект убойнее.

— Отвали нахер! — Цюй Цзюньвэнь аж позеленел от омерзения.

В этот момент замок на двери душевой щёлкнул, и она со скрипом отворилась.

Наружу хлынули клубы тёплого, влажного пара, а следом показался щуплый паренёк с тазиком в руках.

— Цюй Цзюньвэнь, я закончил. Можешь идти.

Все трое соседей невольно повернули головы в его сторону и замерли.

Шэнь Дундун натянул на голову забавную пластиковую шапочку для душа, но мокрые кудри упрямо выбивались наружу, облепляя лоб и щёки. Из-за этого — да ещё и из-за его вечной манеры вжимать голову в плечи — лица мальчика было почти не разглядеть.

Виднелся разве что острый аккуратный подбородок.

Он кутался в безразмерную чёрную футболку и длинные шорты ниже колен. Тонкие плечи казались совсем плоскими, точно вырезанными из картона, а торчащие из широких рукавов и штанин бледные руки и ноги покрылись нежным румянцем от горячей воды.

Острые локти и тонкие запястья выглядели настолько хрупкими, что, казалось, надломятся от любого неосторожного прикосновения. Хмурый и съёжившийся, он вызывал скорее жалость, чем эстетическое восхищение.

Вот только талия его при этой общей худобе выглядела на удивление плотной и громоздкой.

Это дико диссонировало со скелетоподобными конечностями.

Пропорции тела мальчишки казались совершенно нелепыми.

Мелко перебирая ногами, Дундун прошмыгнул к своему столу. Его маленький носик смешно сморщился, уловив движение воздуха, и он сердито уставился на соседа по комнате — Шэн Цзянье.

— Ты зачем взял мою футболку? — воинственно потребовал он. — Верни живо.

При своих скромных метр-семьдесят Шэнь Дундун, похожий на взъерошенного воробья,

упрямо набычился перед громилой Шэн Цзянье, чей рост перевалил за метр девяносто два. Ни капли страха.

Круглые глазёнки горели праведным гневом. Он так свирепо шипел и топал ногой, что со стороны напоминал дикого лесного кота, готового вцепиться обидчику прямо в холёную харю.

— Поклёп на честных граждан, — снисходительно усмехнулся Шэн Цзянье.

Он небрежно швырнул тряпку обратно на спинку стула и, лениво сунув руки в карманы спортивных штанов, покачивающейся походкой скрылся в освободившейся душевой.

Спустя полминуты за дверью зашумели тугие струи воды.

— Твою ж мать! — взревел обделённый Цюй Цзюньвэнь, запоздало осознав масштабы трагедии. — Шэн-гэ, имей совесть! Кто первый в очереди стоял?!

К счастью, Шэн Цзянье по-армейски ценил время и под душем не задерживался.

Вскоре все трое соседей привели себя в порядок, дружно оделись и, весело перешучиваясь, повалили из комнаты.

Шэнь Дундун ещё со вчерашнего дня читал их переписку во флудилке: парни собирались обмыть начало семестра в новом японском ресторанчике за углом, который вовсю пиарили местные блогеры.

Перед уходом Шэн Цзянье вежливо постучал костяшками по столешнице Дундуна:

— Эй, котёнок, тебе захватить чего? Или всё же решишься выползти в люди с нами?

Шэнь Дундун отчеканил отказ без единой секунды раздумий.

«Ага, разбежался, — злорадно подумал он. — С этими мажорами только свяжись — за один присест спусти весь недельный бюджет на еду. Обойдусь лапшой».

Как только шаги парней затихли в коридоре и на этаже воцарилась блаженная тишина, Дундун с облегчением сорвал ненавистную полиэтиленовую шапку.

Две пушистые, мокрые насквозь кошачьи ушки с градиентным кофейно-коричневым окрасом мгновенно вырвались на свободу и судорожно затрепетали под ледяной струёй кондиционера.

— У-ух, холодно! — Дундун зябко прижал их к голове ладошками, торопливо выуживая из недр

тумбочки старенький фен.

Заодно он высвободил из-под подола футболки длинный хвост, до этого плотно обмотанный вокруг талии.

Мокрый хвост выглядел жалко и нелепо — тёмный, слипшийся, точь-в-точь облезлая плётка. Смотреть на это убожество без слёз было невозможно.

С трудом подавив чисто кошачий инстинкт бешено затрястись всем телом, чтобы разогнать брызги, Дундун поджал под себя тонкие ноги и устроился на стуле с ногами, свернувшись в клубок.

Фен натужно взвыл.

В лицо ударил поток горячего воздуха.

Дундун блаженно зажмурился. Он аккуратно перебирал пальцами мягкую шёрстку на ушках, стараясь распрямить слипшиеся волоски под струёй тёплого ветра.

Губки его обиженно надулись, а уши понемногу опускались от грустных мыслей.

«Ненавижу мыться. Ненавижу эту мокрую срань».

Но деваться некуда — грязные коты воняют.

Беда в том, что от любого контакта с водой его природные инстинкты сходили с ума, лишая контроля над ушами и хвостом.

А если промок — сушишь по новой. Мыть хвост — это же сущий ад! Бесит! Как же бесит!

И вообще, у этих двуногих совсем крыша поехала? Зачем устраивать адские военные сборы прямо на старте учёбы?

Его под этим безжалостным солнцем чуть на шаурму не высушило, голова кружилась — шагу ступить не мог. Весь взмок как мышь, уши то и дело норовили вылезти наружу, а хвост судорожно дёргался. Пришлось обмотать его вокруг пояса, утягиваясь до тошноты.

«Я пришёл в этот вуз за знаниями! Какого хрена котик должен так страдать?!»

Будто его магия хоть чуточку стабильнее, он бы без труда удерживал человеческий облик. Ни дождь, ни испуг, ни внезапный душ не смогли бы выдать его секрета. А так — живи каждый

божий день как на пороховой бочке.

«Всё потому, что я слабак. Никчёмный кошачий недоучка!»

Раздосадованный собственным бессилием, Дундун совсем закис.

Он настолько ушёл в свои безрадостные думы, что потерял бдительность. Задняя решётка фена опасно приблизилась к затылку. Раздался противный треск — старый прибор зажевал несколько прядей волос, утробно взвыл и исторг плотное облачко едкой гари.

Не успел Дундун даже пикнуть, как его допотопный агрегат жалобно пискнул и окончательно испустил дух от короткого замыкания.

Шэнь Дундун уставился на дымящуюся пластмассу. Злости не было предела.

В душе он, конечно, отряхнулся как мог, но сейчас шерсть оставалась неприятно влажной. Повторное встряхивание тут явно не спасёт.

Шевелюра у него густая, да ещё и эти чувствительные ушки... Оставлять их мокрыми на сквозняке — чистое самоубийство.

И что делать? Идти в магазин за новым?

Но в университетском супермаркете за самый паршивый фен сдерут не меньше сотни юаней!

Ушки уныло прижались к макушке.

Этот сломанный кусок дешёвого пластика он когда-то, будучи совсем крохотным уличным котёнком, с трудом приволок со свалки в свою картонную коробку. Прибор верой и правдой служил ему без малого восемь лет.

И вот — отжил своё.

Если не досушить голову, простуда обеспечена.

Уж в чём-в чём, а в слабости своего кошачьего иммунитета Дундун не сомневался ни секунды. Свалится с температурой в два счёта.

Он принялся взволнованно мерить шагами комнату, грызя ногти от досады, пока взгляд его случайно не зацепился за соседний стол. Стол Шэн Цзянье.

Там, поблёскивая стильным матовым корпусом, лежал новенький фен, которым мажор пользовался всего полчаса назад.

Казалось, дорогая игрушка издевательски манила к себе.

Дундун замялся. В душе поднялась волна противоречий.

Ему жуть как не хотелось иметь лишних дел с этими парнями.

Будешь враждовать — заплюют, учиться спокойно не дадут.

Подружишься — начнут таскать по тусовкам, прощай драгоценное время на подготовку.

Пока он взвешивал все «за» и «против», в коридоре у самой двери послышался шорох ключей. Шэнь Дундун подпрыгнул на месте от испуга. Молниеносным движением он накинул сухую футболку на голову, маскируя уши, судорожно обвил хвост вокруг талии под одеждой и метнулся к двери.

Щёлкнув замком, он боязливо высунул нос наружу.

На пороге стоял Шэн Цзянье. Свободная рука небрежно покоилась в кармане брюк.

На его красивом породистом лице блуждала привычная снисходительная улыбка, а тёмные глаза смотрели с весёлым прищуром сверху вниз на взъерошенного соседа.

— Чего это мы среди бела дня запираемся? — хмыкнул он. — Никак порнушку втихаря поглядываешь?

— Вовсе нет! — буркнул Дундун. Отчаянно трусая, он едва сдержался, чтобы не зашипеть от возмущения.

Не дожидаясь ответа, он юркнул обратно к своему столу, схватил первый попавшийся справочник по английскому и сделал вид, будто зубрит лексику к экзамену. На самом деле пальцы на ногах судорожно сжались от напряжения — котик мысленно молился, чтобы этот несносный тип поскорее свалил.

Шэн Цзянье подошёл к шкафу, выудил из кармана висящих там брюк забытый мобильник и уже развернулся к выходу, как вдруг его ноздри дрогнули. В воздухе отчётливо пахло палёной проводкой. Он с прищуром покосился на съёжившегося соседа.

Дундун сидел с ногами на стуле, намертво вцепившись в зелёную обложку словаря, а на краю

стола сиротливо исходил сизым дымком его старый фен. Очевидно, источник вони был именно там.

Шэн Цзянье забавно вскинул бровь:

— Что, агрегат приказал долго жить?

Дундун весь так и задеревенел. Едва заметно, через силу, он кивнул.

«Ну и дурак же я, — мысленно грыз себя котик. — Простейшую штуку сломал. Рукожоп лесной!»

Он готов был отпинать себя за такую оплошность.

«Если этот гад посмеет надо мной поржать, я ночью проберусь к нему на кровать и наглухо помечу территорию!» — злобно планировал Кот-мститель.

От этой мысли Шэнь Дундун даже приободрился, воинственно раздув ноздри.

В этот момент прямо перед его носом возник матово-чёрный корпус того самого новенького фена.

Малыш опешил. Проследив взглядом путь от стильного прибора по длинным, изящным пальцам парня, он недоверчиво уставился на мажора.

«С чего бы вдруг такая невиданная щедрость?»

— Держи, пользуйся, — великодушно предложил Шэн Цзянье.

— Оу... спасибо, — растерянно пробормотал Дундун.

Шэнь Дундун, всё ещё пребывая в глубоком недоумении, протянул руку к заветному фену, но в самый последний момент Шэн Цзянье резко дёрнул кистью назад. Пальцы котика схватили лишь пустоту.

Шэнь Дундун насупился.

— Экий ты шустрый, — парень дразняще прищурился.

— А вдруг ты и мою вещь спалишь? Что тогда делать будем?

Мальчик промолчал, обиженно поджав губы. Профессиональный прибор стоил кучу денег, расплатиться за него он бы точно не смог.

«Явно стоит как половина моего годового бюджета...»

— Тогда не надо, обойдусь... — буркнул Дундун, отворачиваясь.

— Ладно тебе, не дуйся, — со смешком перебил его Шэн Цзянье, его глаза весело заблестели.
— У меня есть предложение получше. Давай-ка я сам тебя высушу? У твоего гэгэ руки из нужного места растут, не пожалеешь.

С этими словами он вальяжно двинулся прямо на Дундуна.

— Что?! — у котика от ужаса зрачки расширились на весь глаз.

Он подскочил на стуле, словно его шарахнуло током, и пулей забился в самый угол кровати, судорожно вцепившись обеими руками в спасительную футболку на голове, чтобы не дай бог не обнажить пушистые кошачьи уши.

«Ну конечно! Я так и знал!»

«Этот мерзавец Шэн Цзянье никогда ничего не делает просто так! Точно что-то заподозрил, гад несносный!»

<http://bllate.org/book/20142/2105721>